

**Стенограмма выступления на Международной конференции
«Конституция в эпоху глобальных перемен и задачи конституционного
контроля»**

15 мая 2018 года, г. Санкт-Петербург

*Валерий Дмитриевич ЗОРЬКИН, Председатель Конституционного
Суда Российской Федерации*

Уважаемые коллеги!

Я скажу вам по-честному, я приготовил большой доклад. Он есть, сейчас переводится, и вы можете с ним в скором времени ознакомиться. Но я увидел по времени, что это требует не 10 минут, как положено, а, может быть, два раза по 30 минут.

Но поскольку все же прозвучало слово о Конституционном Суде Российской Федерации и господин Томас Маркерт сказал это – а мы с ним, к моему счастью, много лет плодотворно сотрудничали в Венецианской комиссии, – я хотел бы по поводу его слов сказать чуть-чуть, немного.

Что я хотел сказать? Доклад, который я приготовил, посвящен современным проблемам конституционного правосудия, не таким безоблачным иногда, как это кажется на юбилейных конференциях. Потому что, действительно, господин Маркерт сказал, что в некоторых странах эти суды преобразованы, в других урезана их компетенция. Но мне кажется, и в странах Западной Европы, насколько я понимаю, не так безоблачно, потому что народ спрашивает: а что это такое, Конституционный Суд, а зачем он нужен? А это нужно доказывать. Я это не сам изобретаю; я практически ссылаюсь на работы, в частности наших немецких коллег, которые писали о конституционном правосудии.

Мне кажется, что в этой теме есть такая проблема, которая сейчас выдвинулась на передний план – это проблема поиска Конституционным Судом баланса в решении вопросов прав большинства и прав меньшинств. Может быть, есть и другие темы, не менее значимые, но, мне кажется, эта

тема приковывает, по крайней мере, мое внимание. Она многогранна. Здесь речь идет и о защите меньшинств против большинства, и, может быть, это покажется парадоксальным, я считаю, что надо ставить вопрос и о защите большинства против меньшинств.

Я приведу тот пример, который мне навеяло выступление Председателя Верховного Суда Израиля госпожи Хают, о нацизме. Представьте себе, что неплохая, видимо, Конституция Германии, Веймарская конституция, в которой было много демократии и в которой были различные партии, и было такое маленькое меньшинство в самом начале, которое называлось национал-социалистская партия. Вот я иногда думал, могло ли большинство немецкого народа защититься с помощью конституции или не могло?

История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но я думаю, что исследовательская работа такой метод, как сослагательный, знает.

Ну, самый простой ответ был бы таким, что пришел генерал Гинденбург, разогнал немецкую национал-социалистскую партию, офицеры захватили бы власть, и вполне возможно, что и сейчас мы бы говорили: посмотрите, какой авторитарный режим, какие это гадкие офицеры, которые подарили свободу.

Или могло быть по-другому. Нам не дано знать этого, потому что мы уже не можем на это ответить в силу необратимости истории, но история дает уроки для того, чтобы мы извлекали отсюда свои уроки. А они, на мой взгляд, заключаются в том, что Конституция – это великое изобретение человечества, и великое изобретение Кельзена – конституционный контроль, который создан в рамках Конституции, и они защищают нас. Но, мне кажется, они нас не защитят, если мы их не защитим. И возникает тогда проблема этого баланса, где не перейти черту в этой защите.

И что касается прав меньшинства, то, конечно, Конституционный Суд, в последние годы в том числе, постоянно сталкивается с этой проблемой. Это или права пенсионеров, работающих на Крайнем Севере, когда им урезают

зарплату, или религиозные конфессии, которые не являются слишком большими и жалуются на ущемление своих прав, или это партии региональные, которые хотят тоже быть политическими партиями. Мы отвечаем на эти вопросы, наверное, может быть, не так, как в других государствах, но вместе с другими государствами, вместе с другими конституционными судами оно и составляет то, что сказал господин председательствующий, – вместе со всеми то общее поле решений конституционных судов, которое позволяет в конкретной ситуации, исходя из конкретной действительности и конкретной Конституции, решать те или иные проблемы. Они тем более обостряются в нынешних условиях, когда мы имеем дело с ошеломительным натиском новой технологической революции – электроника, интернет и так далее. Надо сказать, что у нас уже на эту тему есть жалобы. Может быть, покажется экзотическим – оспаривалась необходимость электронных карточек, которые дает банк данных о заявителях, но я думаю, что количество этих жалоб, наверное, во всех судах будет возрастать, и суды должны и к этому быть готовы, где, до каких пор мы можем находить баланс, чтобы не нарушить статьи Конституции.

В этой связи я хотел сказать, что меньшинства бывают разные, как и большинства. И с этой точки зрения Россия в Совете Европы – это меньшинство по сравнению с большинством.

Я не испытываю такого беспокойства, как господин Маркерт, за то, что Конституционный Суд имеет полномочия рассматривать, как применить или не применить решения Страсбургского суда. Потому что это очень экзотические случаи на фоне тех сотен решений, которые принял Конституционный Суд за 20 лет действия Конвенции в России, которая является составной частью правовой системы нашего государства, а в свою очередь решения Страсбургского суда также являются составной частью правовой системы России. Мы опираемся на опыт Европейского Суда, на опыт Венецианской комиссии. Но очевидно, что унисон во взаимодействии. И, как правильно сказал господин Маркерт, это диалог, он почему возникает?

Потому что нет унисона и не может быть. Если будет унисон, и все, что будет сказано, например, в России, мы будем требовать, чтобы Страсбург подчинялся. И то же самое, если Страсбург во что бы то ни стало будет требовать подчинения во всех случаях. Я думаю, что, может быть, не надо абсолютизировать вот такой методологический подход. Почему? Потому что на фоне всех тех сотен решений, о которых я сказал, где мы ссылались на Страсбургский суд, проводили в жизнь его решения в нашу страну, есть проблема, которая возникла практически для России в последние годы. Она возникла в связи с тем, что Страсбургский суд все больше прибегает к принципу так называемого эволютивного толкования Конвенции, как и Конституционный Суд прибегает к такому же толкованию нашей Конституции. И, естественно, здесь возникает конкуренция.

Я думаю, что в обычном режиме, поскольку речь идет о конкуренции правовых актов, а точнее – истолковании (почему я говорю об истолковании? Потому что Конвенция и Конституция в области прав человека практически идентичны), речь идет, следовательно, о толковании. И здесь, мне кажется, как раз кроме как диалога ничего больше не подойдет. Но диалог предполагает не просто слушание, а *слышание*. Господин Маркерт ссылаясь на решение Страсбурга по Анчугову и Гладкову, это когда заключенные в Российской Федерации, приговоренные, находящиеся в местах лишения свободы за тяжкие преступления (они были приговорены еще раньше к смертной казни, но когда была запрещена в России смертная казнь, это было переведено в режим пребывания в заключении), они пожаловались туда, и Страсбургский суд вынес решение о том, что были нарушены их права. Но Конституционный Суд не то чтобы во всем не согласился, но он позволил себе сказать слово в связи с этим решением, а именно, что очевидно и в силу позиции Страсбургского суда могут быть приговорены лица за совершение тяжких преступлений, но нужна какая-то дифференциация. Так я понимаю позицию Страсбургского суда. И мы показали в нашем решении, что такая дифференциация есть. У нас в соответствии с нашим законодательством,

практикой, как правило (я подчеркиваю, как правило), лица, совершившие преступления, за которые они приговорены менее чем к пяти годам лишения свободы, туда, в места лишения свободы, не попадают. На меньший срок попадают в порядке исключения, это рецидивисты, преступления против женщин и детей, насильственные преступления, очень небольшая часть, и они там оказываются. И мы сказали, что эта дифференциация, на которой настаивал Страсбург, она фактически в России есть. Более того, законодатель может расширить еще больше эти возможности такого дифференцированного подхода. Я сейчас не буду утомлять этими нюансами.

Подпадает ли это под позиции Страсбургского суда, под знаменитые его решения «Херст против Соединенного Королевства» и «Скоппола против Италии»? Мы думаем, что да, потому что по Италии сказано было, что те, кто приговорен на срок лишения свободы больше трех лет за преступление, уже могут там находиться в местах лишения свободы. Так 3 года – и 20 лет, к которым были приговорены, или 15 лет, эти наши заявители в Страсбурге! Возникает вопрос, нарушила ли Россия права этих граждан, которые, кстати, у нас на процессе говорили так: «Нам не дали голосовать, потому что мы хотели голосовать за Президента Путина, это грубое нарушение Конституции»? Мы посчитали, что, очевидно, мы можем возразить Страсбургу, но именно в такой форме, о которой я говорил. Я так понимаю, это встретило понимание со стороны Страсбургского суда. Встретило понимание. Но я не могу не сказать о ложке дегтя ко всей этой бочке меда в нашем взаимопонимании.

Через год после нашего решения Страсбургский суд вынес решение по жалобе заключенных в России, которые тоже были приговорены за тяжкие преступления, но это было так называемое «клонированное» решение тремя судьями Страсбургского суда, которые сказали: было нарушено право. До нас это не дошло, мы это не рассматривали, исполнять или не исполнять в России, потому что Россия посчитала, что надо действительно путем диалога все это решать. Я думаю, что здесь, наверное, нужно какую-то меру

соблюдать и той, и другой стороне с учетом накопленного опыта с точки зрения рационального понимания права как такого продукта цивилизации человечества – я в этом смысле даже называю «цивилизацией права» – как очень хрупкого явления, которое может быть взорвано.

Я не могу не сказать в этой аудитории, что в Российской Федерации неординарное отношение к Страсбургу, вплоть до того, что говорят: «А зачем нам нужен Страсбург? Мы должны выйти из Страсбурга, мы были без Страсбурга, обойдемся и сейчас без Страсбурга». Понятно, что Конституционный Суд не может давать такую аргументацию, потому что мы не политический и не законодательный орган, мы – Суд, и, следовательно, пока есть Конвенция как часть правовой системы Российской Федерации, мы будем отстаивать Европейскую Конвенцию и наши конституционные позиции.

То дело, о котором я сказал, как бы даже пикантно в том плане, что это норма, которую практически Страсбургский суд, будем говорить, подверг сомнению, она записана прямо в Конституции. В нашей Конституции написано, что лица, находящиеся в местах лишения свободы по приговору суда, не имеют права избирать и быть избранными, – в Конституции.

Конечно, если складывается консенсус, эволютивное толкование, и Европа приходит к тому, что нужно изменить и эту позицию, то, очевидно, это может быть сделано и должно быть сделано. Но, очевидно, это предполагает принцип европейского консенсуса. Но Россия, подписывая Европейскую Конвенцию, подписывала ее, притом что эта статья была в ее Конституции, и Совет Европы по этому поводу не выдвинул никаких претензий.

Возникает вопрос: с точки зрения международного права мы вступили с тем, что эта норма существует, или мы должны ее отменить?

Я привел этот пример только для того, чтобы показать как типичную ситуацию для того, что ведь можно по-разному решить: можно упереться, как один баран с другим на мосту, а можно, очевидно, искать какие-то

выходы. Но есть, очевидно, рамки, дальше которых невозможно отступить, не изменив Конституцию, не изменив Конвенцию.

Я еще раз хочу поблагодарить господина Томаса Маркерта за то, что он обозначил эту тему. Я думаю, что она будет, видимо, продолжена и на предстоящем круглом столе – «Двадцать лет вместе». Мы действительно двадцать лет вместе, даже больше, потому что Конституционный Суд начал ссылаться на Европейскую Конвенцию еще до ее ратификации.

Я прожил уже, как вы видите, большую жизнь, и мне хотелось бы с учетом пережитого, чтобы Европа, правовая Европа, сохранилась. И я думаю, этот шанс нельзя упустить.

Спасибо.